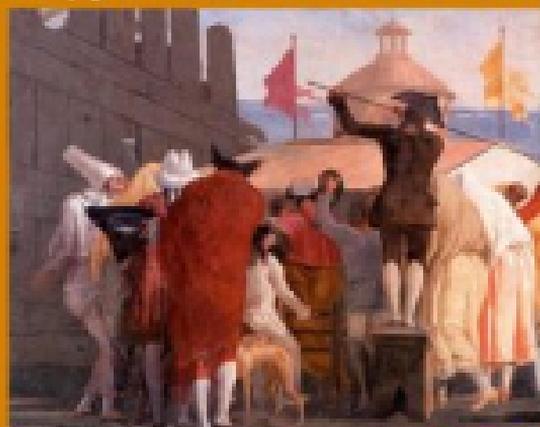

ОДИССЕЙ

человек в истории

Homines novi:
социальные группы в жизни общества

2022

СОДЕРЖАНИЕ

НOMINES NOVI: НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

О.Е. Кошелева

«НOMINES NOVI»: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДАННОЙ
ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ «ОДИССЕЯ» 5

Н.Ю. Живлова

ГЕНЕАЛОГИЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО! ФОРМИРОВАНИЕ
СОСЛОВНОЙ ГРУППЫ КЛИРИКОВ В
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ИРЛАНДСКОМ ОБЩЕСТВЕ..... 10

А.В. Русанов

СТУДЕНТЫ И МАГИСТРЫ В ПОРТУГАЛИИ
КОН. XIII–XV ВВ.: ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И
БОРЬБЫ ЗА ПРАВОВОЙ СТАТУС..... 30

А.Б. Герштейн

КОРОЛЯ ИГРАЕТ СВИТА: ОСОБЕННОСТИ
КОММУНИКАЦИИ ЛЖЕПРАВИТЕЛЕЙ С ОБЩЕСТВОМ.....50

Н.А. Болдырева

«ПОЗЛАЩЕННЫХ ВСАДНИКОВ ДРУЖЕСТВО»:
РАННИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОРДЕНЕ ПОДВЯЗКИ В РОССИИ.....74

Л.А. Пименова

ЛИТЕРАТОРЫ И ФИЛОСОФЫ: О МЕСТЕ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ
XVIII ВЕКА.....96

Т.В. Артемьева

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ
ЭЛИТ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ.....117

О.Е. Кошелева, В.С. Ржеутский
«НИКАКИЕ СИХ РАЗВРАТНЫХ УМОВ НАМЕРЕНИЯ
НИМАЛЕЙШЕ УСПЕТЬ НЕ МОГУТ»: РОССИЙСКИЕ
ВЛАСТИ И ФРАНЦУЗСКИЕ УЧИТЕЛЯ В 1795 Г.140

СМЕРТЬ ВНЕЗАПНА!

О.Е. Кошелева
СМЕРТЬ ВНЕЗАПНА! (ВВЕДЕНИЕ).....164

С.И. Лучицкая
ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ ИЕРУСАЛИМСКОГО КОРОЛЯ
ФУЛЬКА I, ИЛИ КАК ПЕРЕДАВАЛИ ВЛАСТЬ В
ГОСУДАРСТВЕ КРЕСТНОСЦЕВ.....167

А.Б. Герштейн
(НЕ)ОЖИДАННАЯ СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО СЫНА:
КЛЕЙМО САМОУБИЙЦЫ В КАРТИНЕ МИРА
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛЮДЕЙ.....195

О.И. Тогоева
ТО, ЧТО МЕРТВО, УМЕРЕТЬ НЕ МОЖЕТ? САМОУБИЙЦЫ
И ПОХОРОНЕННЫЕ ЗАЖИВО В УГОЛОВНЫХ СУДАХ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ..... 216

А.С. Лавров
МИРЯНЕ ВОЛОГОДСКОЙ И ВЕЛИКОУСТЮЖСКОЙ
ЕПАРХИИ ПЕРЕД ЛИЦОМ «ВНЕЗАПНОЙ СМЕРТИ»..... 229

Н. Хриссидис
ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ ВЫДАЮЩЕГОСЯ СВЯЩЕННИКА:
СЛУЧАЙ С АРХИМАНДРИТОМ ГРИГОРИОСОМ
ВЕГЛЕРИСОМ..... 255

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ

М.А. Ведешкин
«ПИВНЯК», «МЯСНИК» И «ЗМЕЕВИК»: ПРОЗВИЩА
РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ КОНЦА IV – НАЧАЛА VI В.274

ХРИСТИАНСТВО И ВОЙНА НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ЗАПАДЕ

А.Ф. Кофман

ДОКТРИНА «СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ» В ТЕОРИИ И
ПРАКТИКЕ ИСПАНСКОЙ КОНКИСТЫ..... 302

СОЦИУМ, ДИДАКТИКА, ЭТИКА

† *В.Г. Безрогов, К.А. Левинсон, Е.Ю. Ромашина, И.И. Тетерин*
«СМОТРИ, ЭТО ГОРОД!» ПРОГУЛКИ С ЯНОМ АМОСОМ
КОМЕНСКИМ, КАРЛОМ ЛАУКХАРДОМ И
КОНСТАНТИНОМ УШИНСКИМ.....320

К.А. Левинсон

«СЧИТАЮ СВОИМ ДОЛГОМ...»: К ПРОБЛЕМЕ
ЭТОСА РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО НА РУБЕЖЕ
XIX–XX ВВ. 344

РЕЦЕНЗИИ

С.И. Лучицкая

ИГРЫ В ЗЕРКАЛЕ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РЕНЕССАНСА (Рец. на кн.: Games and
Visual Culture / Ed. V. Kopp & E. Lapina. Turnhout, 2020).....386

М.М. Кром

УДАЧНЫЙ ОПЫТ СРАВНЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ГОРОДСКИХ КОММУН (Рец. на кн.: *Лукин П.В.* Новгород и
Венеция: сравнительно-исторические очерки становления
республиканского строя. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2022. 302 с.: ил.)..... 392

IN MEMORIAM

В.Г. Безрогов (16.09.1959 – 14.11.2019)..... 398

А.Е. Махов (19.08.1959 – 29.11. 2021)..... 407

SUMMARIES..... 410

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	422
ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА.....	425
СОДЕРЖАНИЕ.....	426
CONTENTS.....	430

CONTENTS

HOMINES NOVI: NEW SOCIAL GROUPS IN SOCIETY

O.E. Kosheleva

“HOMINES NOVI”: SOME NOTES ON THIS
ODYSSEUS SECTION.....5

N.Ju. Zhivlova

GENEALOGIES FIRST! THE MAKING OF CLERGY AS AN
ESTATE-LIKE SOCIAL GROUP IN EARLY
MEDIEVAL IRELAND.....10

A.V. Rusanov

STUDENTS AND MASTERS IN PORTUGAL BETWEEN
THE LATE 13TH AND THE LATE 15TH CENTURIES:
FORMS OF REPRESENTATION AND STRUGGLE FOR
LEGAL STATUS.....30

A.B. Gerstein

THE RETINUE PLAYS THE KING:
PECULIARITIES OF IMPOSTORS' COMMUNICATION WITH
SOCIETY.....50

N.A. Boldyreva

"THE COMMUNITY OF AUREATE EQUITES": THE EARLY
DATA ABOUT THE ORDER OF THE GARTER IN RUSSIA.....74

L.A. Pimenova

PHILOSOPHERS AND MEN OF LETTERS: INTELLECTUALS'
PLACE IN SOCIETY IN 18TH CENTURY FRANCE.....96

T.V. Artem'eva

THE MAKING OF RUSSIAN INTELLECTUAL ELITES IN THE
AGE OF ENLIGHTENMENT.....117

<i>O.Eu. Kosheleva, V.S. Rjeutskij</i> “NO INTENTIONS OF SUCH CORRUPT MINDS CAN IN THE LEAST BIT SUCCEED”: RUSSIAN AUTHORITIES AND FRENCH TEACHERS IN 1795.....	140
--	-----

WHEN DEATH IS UNEXPECTED!

<i>O.Eu. Kosheleva</i> WHEN DEATH IS UNEXPECTED! (INTRODUCTION).....	164
---	-----

<i>S.I. Luchitskaya</i> THE SUDDEN DEATH OF FULK I, THE KING OF JERUSALEM, OR HOW POWER WAS TRANSFERRED IN THE CRUSADER STATES.....	167
--	-----

<i>A.B. Gerstein</i> THE (UN)EXPECTED DEATH OF THE EMPEROR’S SON: THE SUICIDE STIGMA IN THE MEDIEVAL WORLDVIEW.....	195
---	-----

<i>O.I. Togoeva</i> WHAT IS DEAD MAY NEVER DIE? SUICIDES AND BURIED ALIVE IN THE CRIMINAL COURTS OF MEDIEVAL FRANCE.....	216
---	-----

<i>A.S. Lavrov</i> LAY PEOPLE AND „UNEXPECTED DEATH“ IN VOLOGDA AND VELIKY USTYUG DIOCESE IN THE 17TH AND 18TH CENTURIES.....	229
--	-----

<i>N. Chrissidis</i> MANAGING THE SUDDEN DEATH OF A HANDSOME CLERGYMAN: THE CASE OF ARCHIMANDRITE GREGORIOS VEGLERES.....	255
--	-----

IMAGES OF POWER

<i>M.A. Vedeshkin</i> "THE BEERDRINKER", "THE BUTCHER" AND "THE SNAKE": THE NICKNAMES OF ROMAN EMPERORS OF	
--	--

THE LATE 4 TH – EARLY 6 TH CENTURIES AD.	274
---	-----

CHRISTIANITY AND WAR IN THE MEDIEVAL WEST

A.F. Kofman

THE DOCTRINE OF THE “JUST WAR” IN THEORY AND PRACTICE OF THE SPANISH CONQUISTA.....	302
--	-----

SOCIETY, DIDACTICS, ETHICS

†V. G. Bezrogov, K.A. Levinson, E. Yu. Romashina, I.I. Teterin

“LOOK, THIS IS A CITY!” REGARDING THE URBAN SPACE WITH JOHN AMOS COMENIUS, CARL FRIEDRICH LAUCKHARD AND KONSTANTIN USHINSKY.....	320
--	-----

K.A. Levinson

“I REGARD IT AS MY DUTY...” TOWARDS STUDYING THE ETHOS OF EARLY TWENTIETH CENTURY RUSSIAN SCHOLARS.....	344
---	-----

REVIEWS

S.I. Luchitskaya

GAMES AS MIRRORED BY THE MEDIEVAL AND RENAISSANCE VISUAL CULTURE (Games and Visual Culture / Ed. V. Kopp & E. Lapina. Turnhout, 2020).....	386
---	-----

M.M. Krom

GOOD EXPERIENCE IN COMPARING OF THE MEDIEVAL CYTIES (Rev: Lukin P.V. Novgorod and Venice: Comporative Historical Essays of Formation of the Republican Order. SPb.: European University at St. Petersburg Press, 2022. 302 p.: ill.)	
--	--

IN MEMORIAM

B.Г. Безрогов (16.09.1959. – 14.11.2019).....	398
---	-----

A.E. Махов (19.08.1959. – 29.11.2021).....	407
--	-----

SUMMARIES.....410
LIST OF AUTHORS.....422
POLYCY PAGE..... 425
CONTENTS..... 430

С.И. Лучицкая

ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ ИЕРУСАЛИМСКОГО КОРОЛЯ ФУЛЬКА I, ИЛИ КАК ПЕРЕДАВАЛИ ВЛАСТЬ В ГОСУДАРСТВЕ КРЕСТОНОСЦЕВ

DOI: 10.32608/1607-6184-2022-28-1-167-194

Аннотация: В статье рассматривается трагический эпизод истории Иерусалимского королевства – внезапная смерть правителя Фулька I. Автор пытается ответить на вопрос о том, какие последствия это событие имело для общества и государства крестоносцев. С этой целью С. И. Лучицкая пытается вписать данный факт в более общий контекст политической истории латинского Востока. Как выясняется, гибель Фулька I ослабила государство и привела его к тяжелому политическому кризису, завершившемуся воцарением сына короля, Бодуэна III. Проведенное исследование показывает, что само государство крестоносцев рассматривалось правящей элитой не как институт политической системы общества, а как наследственное владение, переходившее из рук в руки, а саму эту систему могла вывести из строя гибель одного из представителей королевского рода.

Ключевые слова: Иерусалимское королевство, король Фульк I, королева Мелизанда, средневековая монархия.

Keywords: the Latin kingdom of Jerusalem; Fulk, King of Jerusalem; Melisende, Queen of Jerusalem; Medieval Monarchy.

В ноябре 1143 г. правителя государства крестоносцев Фулька постигла внезапная смерть. О трагическом событии, которое произошло в одиннадцатый год царствования монарха, подробно повествует в своей хронике придворный Иерусалимского королевства Гийом Тирский. Вот как это случилось.

Поздней осенью 1143 г. король и его супруга Мелизанда находились в своей резиденции в Акре. Королева, дабы развеять скуку, решила посетить загородный дом, расположенный в красивом месте, где находились источники, и устроить там охоту. Король не желал оставить супругу одну и последовал за ней со своей свитой. По дороге произошло, казалось бы, незначительное событие: путь охотникам перерезал заяц. Его внезапное появление вызвало оживление находившихся в свите детей, а Фульк поддался фатальному порыву нагнать зверя. Подняв меч и прищпорив коня, он ринулся вслед за зайцем, но лошадь понесла и сбросила седока

вместе с седлом. Это происшествие имело трагические последствия. Череп короля был раздавлен седлом, так что мозг брызнул через ноздри и уши¹. И когда придворные поспешили на помощь государю, его нашли уже бездыханным – он был без чувств и даже не подавал голоса². Так драматично закончилась столь приятно начавшаяся прогулка.

Реакция королевы на случившееся была самой бурной. Пораженная увиденным, она разорвала одежды и драла на себе волосы, испускала жалобные стоны – по словам Гийома Тирского, «её всхлипы и рыдания выказывали её безмерную скорбь» – и, рухнув на землю, обняла безжизненное тело супруга³. Как пишет хронист, Мелизанде не хватало слез, чтобы плакать, её бурные рыдания прерывались раскатами голоса, передававшего её скорбь (*vox, doloris interpres*), но и голоса не хватало, чтобы утолить боль⁴.

Конечно, супруга Фулька Анжуйского проявила чрезмерные чувства, при этом не стоит забывать, что сцена разыгрывалась на глазах у придворной свиты. Как известно, в Средние века эмоции выполняли социальные функции – они и должны были быть преувеличенными и публичными, особенно когда речь шла о монархах⁵. Но даже с учетом этой специфики средневековых норм поведения жесты скорби Мелизанды можно воспринимать как проявление её личного горя. Примечательно, что эти бурные проявления чувств королевы описывает церковный писатель. В Средние века клирики подчас стремились контролировать жесты скорби мирян. Существовали запреты Церкви царапать лицо или рвать волосы – такое остенативное выражение душевной боли им казалось неприемлемым⁶. А ведь именно о таких избыточных жестах королевы и пишет хронист.

¹ *Guillaume de Tyr*. 1986: 710: «ut cerebrum tam per aures quam per nares etiam emitteretur».

² *Ibid.* : «...cui neque vox erat, neque sensus».

³ *Guillaume de Tyr*. 1986: 711: «...veste et capillo lacera, ejulans, et doloris immensitatem suspiriis contestans et lamentis, in terram corruens, corpus amplectitur exanime...».

⁴ *Ibid.*: «Non sufficit humor oculis, prae fletus ubertate continui; et vox, doloris interpres, crebris interruptitur singultibus; nec dolori satis fit, licet nihil aliud sit sollicita quam dolori satisfacere».

⁵ Об этом подробнее см. в кн.: *Boquet & Nagy*. 2018.

⁶ *Schmitt*. 1990: 210.

Гийом Тирский описал также переживания домашних (*familia*) короля: они проливали обильные слезы, своим голосом и видом (*voce et habitu*) выражали скорбь, и это было печальным свидетельством тревожного состояния их душ⁷.

Весть о несчастном случае распространилась по Акре (столице государства крестоносцев), и толпы народа приходили к месту трагедии, желая лично удостовериться в реальности неслыханного происшествия (*factum inauditum*). С места события король был отнесен в Акру, и там горожане проливали слезы, рвали волосы и царапали ладони⁸. Там король три дня пролежал без сознания и на четвертый день умер. Это случилось 13 ноября 1143 г. Тело монарха бальзамировали и затем «с соответствующими почестями» (*cum debita honorificentia*) перенесли в Иерусалим, где их встретил «клир и народ» и где состоялась похоронная церемония. Хронист по своему обыкновению отметил, что Фулька похоронили с подобающей королевскому сану пышностью (*regia magnificentia*) в церкви Гроба Господня, а именно в капелле Голгофы среди других правителей государства крестоносцев, при этом руководил погребальной церемонией патриарх Иерусалима Гийом. Впервые, рассказывая о похоронах иерусалимского короля, хронист отметил присутствие родственников: в похоронном церемониале участвовали два его несовершеннолетних ребенка, первенец Бодуэн 13 лет и Амори 7 лет⁹.

Через много десятилетий после всех этих событий миниатюристы, иллюстрировавшие старофранцузскую версию хроники

⁷ *Guillaume de Tyr*. 1986 : 711: «Familia quoque lachrymis, voce et habitu moerorem contestans, anxietatis nimiae lugubria praetendit argumenta...». Можно предположить, что в кратком пассаже хроники описаны принятые в этой социальной группе нормы поведения, своего рода средневековый *habitus*.

⁸ Об этом сообщает старофранцузская версия хроники Гийома Тирского: «Assez i ot lermes espandues, cheveux derompuz et paumes ferues» (*L'Estoire de Éracle Empereur*. 1844 : 701). В Средние века проявление чувств носило часто коллективный характер, и боль индивида могли разделять целые сообщества средневековых людей. См. об этих особенностях средневековых эмоций: *Rousset*. 1949 : 53–69. Подробнее см.: *Rosenwein*. 2006. Видимо, в целом поведение горожан также подчинялось определенным нормам поведения.

⁹ *Guillaume de Tyr*. 1986 : 711.: «...Inde Hierosolymam cum debita delatus honorificentia, occurrente universo clero et populo, in ecclesia Dominici Sepulchri, sub monte Calvariae introeuntibus ad dextram, secus portam, inter alios felicis memoriae reges, ejus praedecessores, per manum domini Willelmi...patriarche, regia magnificentia sepultus est, duobus superstitibus liberis adhuc inpuberibus relictis, Balduino...et Amalrico...»

Гийома Тирского, осмысляя прошлое, обращались к теме внезапной смерти Фулька Анжуйского. Их внимание привлек в первую очередь несчастный случай, ставший причиной гибели короля. Так, одна из миниатюр иллюминированной рукописи изображает сцену сборов на охоту: в верхнем регистре на белом коне вместе со свитой король направляется в путь; звуком рожка глашатай возвещает отправление. В нижнем регистре видим стремительно падающую лошадь. Сама трагическая развязка не показана, но изображенный сверху силуэт черной собаки кажется зловещим – это как бы предзнаменование той беды, которой суждено случиться (Илл. 1). Так миниатюрист воспринял кончину короля. Но чаще всего средневековые художники следуют одному и тому же канону: в верхнем регистре показаны направляющиеся на охоту король и королева с их свитой, а в нижнем – распластанное тело короля¹⁰.

Как мы видели, Гийом Тирский в своей хронике много говорил о переживаниях смерти близкими короля и его подданными, но мы не найдем отражения этих рассказов в иллюминированных рукописях сочинения церковного писателя. Лишь в одной из них (Илл. 2) художник изобразил в верхнем регистре сцену оплакивания короля: у ложа умирающего дама в черном платке (не Мелизанда ли?) в жесте скорби сплела руки крест-накрест, стоящий рядом с ней мирянин выражает свою скорбь, широко расставив ладони. Жесты оплакивающих сдержанны и скупы, они исполнены религиозного достоинства и вовсе не вяжутся с рассказом хрониста о бурных проявлениях чувств близкими короля и жителями Иерусалимского королевства, но так, видимо, следуя клерикальной традиции, изображают похороны миниатюристы.

Судя по описаниям хронистов, смерть короля Фулька была для всех ударом и глубоко переживалась королевой, близкими покойника и его челядью. Но разве смерть средневекового христианина могла быть внезапной? Ведь, как известно, внимание людей того времени было всегда сосредоточено на смерти, посмертном воздаянии. Они все время жили в ожидании Страшного Суда, а

¹⁰ См.: Bibliothèque Nationale de France. Ms. fr. 2628, 146v; 828, f. 174; Российская Национальная Библиотека. Vol. IV 5, f. 143v. Об образе королевы Мелизанды в иллюминированных рукописях см.: *Folda*. 1993: 97–112.

значит, приближения смерти¹¹. Средневековые христиане страшились адских мук и загробного воздаяния, и, как известно, были готовы тратить огромные средства, одаривая Церковь и совершая акты благотворительности. Люди стремились прослыть добрыми христианами, желая удостоиться райской жизни в мире ином. Несомненно, мысли о загробном воздаянии посещали и королевскую чету. Известно, что королева Мелизанда незадолго до трагических событий, заботясь о спасении своей души и о будущем супруга и своих детей приняла решение основать женский монастырь¹². Она тщательно выбирала место и остановилась на Вифании, где, согласно новозаветным текстам, жил в свое время Лазарь со своими сестрами Марфой и Марией и где он принимал Христа. Мелизанда выкупила это место у церкви Гроба Господня и воздвигла там сначала укрепленную башню, а затем все необходимые для жизни монахинь постройки. Общину возглавила сестра королевы Иветта, которая еще в юном возрасте приняла монашеский обет и до этого служила в монастыре св. Анны. Мелизанда передала обители в Вифании богатейшие дары, включавшие золото и драгоценные камни, дорогие ткани и одежды для церковной службы. Она также пожаловала новому монастырю г. Иерихон с зависимыми от него владениями¹³. Поразительным образом все эти благочестивые дела королева совершила незадолго до несчастного случая на охоте, ставшего причиной гибели ее супруга. Так или иначе Мелизанда, которую Гийом Тирский в своей хронике неоднократно называет «благочестивой королевой» (*pia regina*), заранее готовилась сама и готовила своих близких к центральному событию в жизни средневекового христианина – переходу в мир иной. Придворный историограф неслучайно рисует классический христианский обряд похорон короля Фулька. Нет сомнения, что и перед смертью правителя все необходимые таинства были совершены, даже если он так и не пришел в сознание. Судя по всему, отношение к смерти у средневековых людей радикально отличалось от нашего, и смерть Фулька Анжуйского не могла восприниматься его

¹¹ См. об этом: *Borst*. 1993: 391–404.

¹² *Guillaume de Tyr*. 1986: 709: «concepit domina Milissendis, pie recordationis regina, pro remedio anime sue et parentum suorum, pro salute quoque mariti et liberorum...monasterium sacrorum virginum fundare».

¹³ *Guillaume de Tyr*. 1986: 710.

близкими и поданными как какое-то совершенно неожиданное и случайное событие.

И вместе с тем, если верить хронике Гийома Тирского, преждевременная смерть короля Фулька была настоящим шоком и для Мелизанды, и для ближнего круга монарха. Смерть близкого человека всегда невосполнимая утрата, она не может не повлиять на судьбу его родственников, изменяя их привычный уклад жизни и внутрисемейные отношения. Но когда речь идет о внезапной смерти государя, то это событие как правило провоцирует изменение в соотношении политических сил, оно порой обнажает скрытые ранее противоречия между различными группировками, а также приводит к неожиданным последствиям. Чтобы понять, какое значение внезапная смерть Фулька имела как для ближнего круга и его семьи, так и для Иерусалимского королевства в целом, следует рассмотреть этот факт в более плотном историческом контексте и для этого проследить важный для нас отрезок жизненного пути короля: узнать, как он стал правителем государства крестоносцев, как складывались его отношения с подданными, а также с ближайшим его окружением. Политическая история того времени достаточно подробно реконструирована историками¹⁴, и на этом фоне мы можем более пристально рассмотреть, происходившие в королевской семье конфликты.

Итак, что мы знаем о Фульке Анжуйском? Наш герой стал правителем Иерусалимского королевства, женившись на уже известной нам Мелизанде (1105–1161), которая была дочерью иерусалимского короля Бодуэна II. У этого монарха и его супруги Морфии было четыре дочери – Мелизанда, Алиса (впоследствии княгиня Антиохии), Одиерна (она станет графиней Триполи) и младшая Иветта, в детском возрасте посвященная Богу. Незадолго до своей кончины, беспокоясь о наследовании престола, Бодуэн II задумал выдать замуж свою старшую и, похоже, самую любимую дочь Мелизанду. Для обсуждения этого судьбоносного для государства крестоносцев вопроса было назначено собрание из представителей знати и высших прелатов и после длительных размышлений реши-

¹⁴ См. об этом историческом периоде: *Marshall*. 1969 : 528–562; *Mayer*. 1972: 93–182.

ли по совету всех государственных мужей и при одобрении народа отрядить посольство во Францию для избрания будущего супруга Мелизанды¹⁵. Выбор пал на графа Анжу, Мэна и Турени Фулька V, которому прямо намекнули, что женившись на дочери монарха, он со временем сможет наследовать и само Иерусалимское королевство¹⁶. По договору (*pactum*)¹⁷, о котором упоминает Гийом Тирский, Фулька Анжуйскому обещали, что на пятидесятый день по прибытии в Святую Землю он получит руку королевской дочери и сможет надеяться, что после смерти Бодуэна II сам станет королем (*cum spe regni post regis obitum*). На момент столь выгодного matrimonialного предложения Фулька Анжуйскому около 40 лет – возраст немалый в Средние века. За его плечами целая жизнь: он долгое время весьма успешно правил крупными графствами в северной Франции, имел семью – был отцом четырех детей (двух сыновей и двух дочерей); рано овдовев, занимался устройством судеб любимых чад и заботился о процветании своего края. Получив обещания иерусалимских послов, он поспешил уладить свои дела во Франции и благословив детей, отправился в Святую Землю. Когда он прибыл в Иерусалим, Бодуэн II, как и следовало из договора (*sicut ex pacto tenebatur*) отдал ему в жены свою дочь и в качестве приданого передал два крупных морских порта – Тир и Птолемиаду (так называлась в то время Акра). На Пасху 1129 г. сыграли свадьбу, а уже в 1130 г. у супружеской пары родился сын Бодуэн.

Тем временем в Иерусалимском королевстве происходили события, которые повлияли на дальнейший ход развития государства. В августе 1131 г. Бодуэн II тяжело заболел. Чувствуя приближение смерти, он попросил перенести его в дом патриарха, находившийся у церкви Гроба Господня. Именно там монарх отдал свои последние распоряжения. Так, он призвал к себе Мелизанду, Фулька и двухлетнего внука Бодуэна и в присутствии патриарха и прелатов, а также представителей знати, которые «случайно там оказались» (*qui forte aderant*) торжественно сообщил, что всем своим троим родственникам он поручает «попечение о королевстве и полную

¹⁵ См.: *Guillaume de Tyr*. 1986: 618–619, 633: «de communi universorum principum consilio, sed et populi favore».

¹⁶ *Guillaume de Tyr*. 1986: 633: «invitans eum ad filie nuptial et regni successionem».

¹⁷ Именно на таком юридическом языке обозначает соглашение двух сторон хронист.

власть» – иными словами, передал трон всем троем и «по обычаю государя» дал всем свое отеческое благословение¹⁸. Как видим, речь шла отнюдь не о тройственном разделе Иерусалимского королевства, но о важной символической акции – все трое получали право на обладание трона. Это означало кардинальное изменение прежнего договора (*pactum*) 1129 г., по которому неограниченная власть давалась только Фульку. Очевидно, такое решение не было вполне легитимным – даже осторожный Гиоим Тирский замечает, что знать, одоббившая новый договор, оказалась у смертного одра монарха случайно (*forte*), но предсмертная воля Бодуэна II не обсуждалась.

Новый пакт прежде всего радикально изменил ситуацию Фулька Анжуйского. Для него, конечно, решение умирающего короля было сильнейшим ударом. Ведь уезжая из Франции, наш герой сжег все корабли – он отказался от притязаний на свои французские владения, он передал графство Анжу старшему сыну Жоффруа, он принял решение не возвращаться на родину и пр. Невозможно сомневаться в том, что поведение старого короля стало причиной сильнейшего расстройств графа Анжу. Что же заставило смертельно больного правителя совершить столь неожиданный поступок? Об этом можно строить самые разные догадки. Несомненно, Бодуэн II желал закрепить за любимой дочерью и внуком законные притязания на власть – в случае, например, если брак Мелизанды с ее супругом будет расторгнут. Ведь у Фулька оставались дети во Франции, которые тоже могли предъявить права на иерусалимское наследство. Бодуэн II, видимо, желал оградить дочь и внука от возможных посягательств на власть со стороны Анжуйского дома: иерусалимский трон должен оставаться в семье – таково было мнение старого короля. На самом деле, своим решением Бодуэн II завязал целый узел противоречий, которые в полной мере проявились уже на более позднем этапе истории Иерусалимского и в дальнейшем привели к серьезным конфликтам, повлиявшим как на состояние дел в государстве крестоносцев, так и на судьбу самого Фулька. Так или иначе распоряжение Бодуэна II было исполнено буквально, и после похорон монарха 14 сентября 1131 г. новый ко-

¹⁸ *Guillaume de Tyr*. 1986: 625: «Ibique accitis filia et genero pueroque Baldoino iam bimulo, coram positis domino patriarcha et ecclesiarum prelati et de principibus nonnullis, qui forte aderant, regni curam et plenam eis tradidit potestatem, more pii principis paterna eis benedictione indulta»

роль и его супруга Мелизанда со всеми почестями были торжественно коронованы в церкви Гроба Господня¹⁹. Так завершился первый акт драмы, в которой Фульк Анжуйский был едва ли не главным действующим лицом.

Вскоре после смерти Бодуэна II в Иерусалимском королевстве произошли события, которые осторожный Гийом Тирский назвал в своей хронике «опасной смутой» (*turba periculosa*). Речь идет о серьезном конфликте между Фульком и неким сеньором – «могущественным мужем» (*vir potens*) Гуго де Пюизе. Об их многолетней вражде придворный историограф и рассказал на страницах своей хроники. Что же нам известно о противнике иерусалимского короля? Гуго де Пюизе прибыл в Святую Землю из Апулии, где он воспитывался в детском возрасте; он возвысился в государстве крестоносцев еще в период правления Бодуэна II, который на правах родственника пожаловал ему один из самых крупных в государстве фьефов – графство Яффы. К тому же Гуго заключил выгодный матримониальный союз – женился на вдове видного вельможи Эусташа Гренье, у которой от прежнего брака было два сына – Эусташ Сидонский и Готье Цезарийский. Хронист создал колоритный портрет соперника короля – это был молодой человек красивой наружности, пользовавшийся всеобщим расположением и отличившийся в военных делах²⁰. По словам Гийома Тирского, между новым графом и королем по неясным причинам (*causis occultis*) вспыхнула настоящая вражда (*simulitates*). Отнюдь не склонный к сплетням Гийом в своей хронике сообщает, что между Гуго и Мелизандой установились дружеские отношения, и они часто вели между собой «слишком вольные разговоры» (*colloquia nimis familiares*), что вызывало ревность короля. К тому же новоиспеченный граф Яффы был весьма заносчив, ставил себя выше короля и «отказывался по обыкновению иных лиц подчиняться королю Фульку»²¹. И это обстоятельство стало еще более сильной причиной

¹⁹ *Guillaume de Tyr*. 1986: 633–634: «idem comes cum predicta uxore...in ecclesia Domini Sepulchri solempniter et ex more coronatus et consecrates est...».

²⁰ *Guillaume de Tyr*. 1986: 651: «Erat autem comes adolescens corpore procerus, decorus forma, actibus insignis militaribus, gratiosum in oculis omnium...».

²¹ *Guillaume de Tyr*. 1986: 652: «Comes quasi arrogans et de se plus equo praesumens domino regi nolebat more aliquorum regni principum subici».

взаимной ненависти короля и графа. Противостояние между ними приобрело ожесточенные формы, когда пасынок Гуго Готье Цезарийский на заседании Высшей курии, которая была главным представительным учреждением знати, по всем правилам юридической процедуры обвинил своего отчима в заговоре против короля, измене его королевскому величеству (*maiestate crimine*) и заявил о том, что граф Яффы и его сообщники готовили покушение на жизнь Фулька, посягая таким образом на порядки и обычаи Иерусалимского королевства²². Это было тяжкое обвинение, которое по законам государства крестоносцев могло повлечь за собой и вечную конфискацию фьефа, и изгнание из королевства²³. Но те же законы предусматривали, что обвиненный в измене мог прийти на судебное заседание в назначенный Высшей курией день и оспорить тяжкое обвинение, участвуя в судебном поединке²⁴. Такую возможность предоставили и Гуго де Пюизе – ему также назначили день, в который он мог выступить в суде и очиститься от обвинения. Однако он пренебрег этой возможностью и вообще не явился на заседание курии²⁵. Хотел ли он таким образом продемонстрировать, что не считает свои проступки оскорблением королевского величества (*crimen lese maiestatis*), поскольку даже отказывается признать Фулька своим королем, или он вообще не доверял Высшей курии? Скучные свидетельства источников не позволяют ответить на этот вопрос. Так или иначе Гуго нарушил иерусалимские обычаи: он пропустил заседание и к тому же не сообщил о причине своего отсутствия, так что его заочно признали виновным.

Очевидно, что своим поведением граф Яффы оттолкнул некоторых представителей знати, и когда он понял, что слишком многие при дворе настроены против него, то попытался сбежать в Аскалон к мусульманам, которые были только рады распрям внутри государства (*intestina praelis*)²⁶. В результате этой измены иновер-

²² Ibid.: «more accusatoris obicit comiti quod maiestatis crimine reus et quod contra domini regis salute cum quibusdam factionis eiusdem complicitibus (курсив мой. – С.Л.), contra bonos mores et contra nostrorum disciplinam temporum, conspirasset...»

²³ См. об этом: Riley-Smith. 1985: 177–178.

²⁴ John of Ibelin. 2003: 230. О понятии измены в Иерусалимском королевстве см.: La Monte. 1932: 276–281.

²⁵ Guillaume de Tyr. 1986: 652: «ad prefixam diem presentem se non exhibuit...».

²⁶ См.: Guillaume de Tyr. 1986: 653. Все эти события происходили примерно в 1134 г. См.: Mayer. 1972: 105ff.

цы, вдохновленные альянсом с одним из самых значительных сеньоров Иерусалимского королевства, стали более уверенно совершать набеги на поселения крестоносцев, устраивая грабежи и захватывая христианских пленников и так продвинулись вплоть до Арсуфа. Видя, к каким последствиям привел переход Гуго на сторону мусульман, Фульк начал осаду Яффы – фьефа изменника. Вассалы Гуго, убедившись в том, что их сеньор не остановится ни перед чем и что они не могут ни унять его, ни заставить отказаться от дурных намерений, в конце концов перешли на сторону короля. Ситуация становилась взрывоопасной, и в дело вмешался патриарх Иерусалима, «муж тишайший и миролюбивый» (*vir mitissimus et pacis amator*). Видя в разрастающемся конфликте угрозу для королевства и всего христианского мира, он попытался выступить в роли посредника между графом и королем. После длительных споров и разбирательств стороны пришли к компромиссу: граф Яффы Гуго возвращался к христианам, но по условиям перемирия должен был покинуть Иерусалимское королевство сроком на три года. В общем это был весьма мягкий приговор, если, как уже говорилось, по иерусалимским законам за измену королю, как и за переход крестоносца на сторону врага (а к тому времени Гуго совершил и то, и другое предательство) полагалась вечная конфискация фьефа. Однако, когда Гуго уже готовился покинуть государство крестоносцев, случилось нечто непредвиденное – на него было совершено покушение. В то время как он, ничего не подозревая, играл в шахматы на одной из улиц Иерусалима, на него напал неизвестный рыцарь и, выхватив меч, нанес ему несколько жестоких ран²⁷ (Илл. 3). Весть об этом инциденте разнеслась по всему королевству и пронося слух, что это покушение готовилось заранее с ведома и согласия самого короля. Как это всегда бывает, жертва вызвала горячее сочувствие общества, и вот уже в столице поползли слухи о том, что Гуго, которого еще недавно считали настоящим предателем, на самом деле был несправедливо обвинен в измене королю, что он был оклеветан, пострадал невинно. К тому же, как считали современники, напавший на Гуго рыцарь, о котором было известно только то, что он бретонец (*de natione Brito*), не мог бы совершить такой проступок, если бы не надеялся на защиту государя. Эти об-

²⁷ *Guillaume de Tyr*. 1986: 654. Позже миниатюристы, изображавшие самые главные события крестоносной эпопеи, запечатлели и этот инцидент.

стоятельства, конечно, ставили Фулька Анжуйского в невыгодную ситуацию. Чтобы пресечь эти слухи, король потребовал суда над устроившим покушение рыцарем. Поскольку преступление было совершено на глазах у всех, юридическая процедура, подразумевавшая тщательное расследование дела в Высшей курии, была обойдена, и приговор вынесли просто собравшиеся при дворе представители знати. Было решено казнить бретонца путем отсечения конечностей, причем Фульк специально оговорил: язык преступнику не будут отсекают, дабы никто не мог утверждать, будто язык бретонцу отрубили из опасения, что тот мог сообщить о соучастии короля в преступлении. Недоброжелателям короля не удалось вырвать из уст обвиненного признание в том, что он исполнял приказ государя, но вместе с тем бретонский рыцарь поведал, что, действуя по своему собственному почину, он при этом надеялся завоевать расположение Фулька. Это признание было, конечно, совсем не на руку королю. И все же мудрому правителю удалось хотя бы на время подавить возмущение иерусалимского общества.

Между тем Гуго де Пюизе, оправившись от ран, отбыл в Апулию, и, как показало время, в Иерусалимское королевство уже не вернулся, ибо вскоре после этих драматических событий скончался²⁸. Если верить Гийому Тирскому, инцидент с Гуго в сильнейшей степени охладил супружеские отношения в королевской семье. Мелизанда сильно гневалась на тех, кого считала виновными в безвременной кончине графа, приходившегося ей родственником. Она буквально преследовала придворных, которые когда-то возбуждали ревность Фулька к умершему Гуго, но пуще всего доставалось самому королю, который боялся даже появляться на глаза сторонников или родственников королевы²⁹. Страсти со временем улеглись, но после происшедшего Фульк во всех случаях держал сторону Мелизанды и без ведома супруги ничего не предпринимал, даже в самых незначительных делах (*in causis levibus*). Со временем он стал настоящим «подкаблучным мужем» (*uxorius*), как об этом *expressis verbis* сообщает наш хронист³⁰...

Вот так выглядят события при поверхностном взгляде. Нет сомнения в том, что, даже судя по отрывочным сообщениям Гийома Тирского, в первые годы после смерти Бодуэна II государство

²⁸ «morte perventus immaturata» (*Guillaume de Tyr*. 1986: 655).

²⁹ *Guillaume de Tyr*. 1986: 656.

³⁰ *Ibid*: «Ab ea die rex autem factus est uxorius».

крестоносцев поначалу переживало политический кризис. Возможно, дело в том, что Фульк поначалу попытался, невзирая на изменение договора 1129 г., отстранить супругу от власти и царствовать в качестве единоличного правителя Иерусалимского королевства – собственно, именно это ему и обещали король и иерусалимская знать, уговаривая в 1128 г. покинуть отчизну и жениться на Мелизанде. Фульк Анжуйский прибыл из северной Франции, где всегда были сильны централизаторские традиции, и не желал ни с кем делить власть. Видимо, его политика встретила сопротивление иерусалимской знати – с течением времени при дворе сложились две группировки: одна из них защищала интересы Фулька и не одобряла изменение договора, произошедшее в 1131 г; другая же выступала за королеву и ее клан. Можно не сомневаться в том, что Мелизанда была в Иерусалимском королевстве «своей» – она родилась и выросла на латинском Востоке, и все при дворе ее хорошо знали – в то время как Фулька скорее воспринимали как чужака. К тому же Церковь, которую королева весьма щедро одаривала, была на ее стороне. Промелизандовская «партия» (*factio* – именно так ее называет Гийом Тирский), видимо, возглавлялась Гуго де Пюизе, у которого были сообщники (*complices*) из старой знати, не желавшие, как и он, слушаться выходца с Запада. В общем граф Яффы Гуго был сильным врагом, и вражда короля к нему, думается, отнюдь не объяснялась только супружеской ревностью Фулька. Скорее всего, встретившись с оппозицией знати во главе с Мелизандой и Гуго, он сам стремился распространить слухи о любовной истории и тем самым обвинить жену в измене, а затем запереть ее в монастыре, как это часто делали средневековые монархи. В конечном итоге Фульку удалось избавиться от Гуго, но в общем это была Пиррова победа. После покушения на графа Яффы, в котором чуть ли не вслух обвиняли короля, его авторитет существенно уменьшился. Хотя ему удалось сломить оппозицию, но все же общество было явно не на его стороне. Мы уже знаем от Гийома Тирского, скольких трудов стоило Фульку вернуть мир в Иерусалимское королевство и успокоить недовольных. Но за это ему пришлось заплатить высокую цену – он практически отказался от власти, передав бразды правления Мелизанде. Об этом красноречиво свидетельствуют документы королевской канцелярии³¹. Если до этого он подписы-

³¹ На роль канцелярии в Иерусалимском королевстве в свое время обратил

вал хартии один³², то теперь – только с согласия сына и жены. Король, как явствует из всех источников, был во всем послушен супруге, а та по существу правила единолично. Такая ситуация вполне устраивала честолюбивую Мелизанду. Никто не знает, как долго бы продолжался этот период безраздельного властвования королевы, если бы сложившийся баланс политических сил не разрушила внезапная смерть короля Фулька. Быть может (позволим себе циничное предположение) Мелизанда так остро переживала кончину супруга потому, что слишком хорошо понимала, как это трагическое событие может ударить по ее интересам?

Смерть Фулька Анжуйского вызвала новый виток борьбы за власть. Осталось только двое из членов королевской семьи, которым Бодуэн II в 1131 г. на смертном одре передал власть в Иерусалимском королевстве. Положение Мелизанды после гибели ее супруга явно осложнилось. При его жизни она могла пользоваться почти неограниченной властью, поскольку после завершения «опасной смуты» (*turba periculosa*) он, как мы видели, во всем подчинялся воле жены. Теперь же все изменилось: подрастал сын, и ей предстояло, как только он достигнет совершеннолетия (по иерусалимским законам – возраста 15 лет), передать власть Бодуэну как законному королю. Но Мелизанда была крепким орешком и желала править дальше. Ведь именно она, как пишет преданный королеве Гийом Тирский, «по наследственному праву» (*iure hereditario*) получила «власть в королевстве»³³. При этом о сыне Мелизанды Бодуэне, которому к тому времени исполнилось 13 лет, и о его правах на трон придворный историк не говорит ни слова.

В 1143 г. вскоре после трагической гибели Фулька перед праздником Рождества Христова произошла торжественная коронация Бодуэна и Мелизанды в церкви Гроба Господня: в присутствии прелатов и государственных мужей иерусалимский патриарх

внимание Х.Э. Майер. См.: Mayer. 1996..

³² См., например, хартию № 149 от сентября 1133 г.: «Fulco rex Hierosolymitanus, rector et bajulus principatu Antiocheni» (Regesta Regni Hierosolymitani. 1893). См. также хартию № 157 от 2.08.1135 г.: «Fulco rex Hierosolymitanus, rector et bajulus principatu Antiocheni» (Ibid.).

³³ *Guillaume de Tyr*. 1986: 711: «reseditque reginam regni potestas penes dominam Melisendem, Deo amabilem reginam, cui jure hereditario competebat».

помазал на царство мать и сына и возложил на головы обоих королей³⁴. На самом деле, по законам государства крестоносцев малолетние короли могли короноваться даже в несовершеннолетнем возрасте³⁵. Но Мелизанда явно хотела обойти это правило и, желая упрочить свое положение и свои права регента при малолетнем сыне, короновалась вместе с ним. На происходящие в сфере власти процессы как всегда очень чутко реагировала королевская канцелярия, и по подписям в хартиях, фиксирующих крупные имущественные сделки, можно было в принципе судить о том, в чьих руках находилась власть. Примечательно, что в этот период Бодуэн, если и подписывал своей рукой хартии (их совсем немного), то только с согласия матери³⁶. Именно королева контролировала все дела в государстве крестоносцев.

Однако было ясно, что правление властной Мелизанды не является долговечным и что по иерусалимским законам она должна через два года уйти с политической сцены, уступив место сыну. Ситуация в королевстве чревата конфликтом, о чем прямо заявлял Гийом Тирский. Спокойствия в обществе не было, и неудивительно, что постепенно начали создаваться придворные группировки – одни были заинтересованы в долгом правлении королевы, другие желали перемен и стремились противопоставить Мелизанде ее подрастающего сына. Придворный историограф Гийом Тирский, обычно мизогинически настроенный, но делавший исключение для матери Бодуэна, выступал за стабильность и за сохранение власти в руках своей госпожи. Королева-мать, которую хронист неустанно называл «самой разумной и обладающей опытом правления в светских делах королевой»³⁷, все время опекала сына, и, по мнению Гийома, пока тот слушался советов, государство процветало и народ наслаждался спокойствием (*tranquillitate gavisus populus*). Но придворные – кто по легкомыслию (*ex levitate*), а кто из злобных намерений (*ex malicia*) – пытались, по мнению хрониста, настроить

³⁴ *Guillaume de Tyr*. 1986: 717: «convenientibus de more principibus simul et universis ecclesiarum prelatibus in ecclesia Domini Sepulchri, per manu domini Willelmi, bona memoria Ierosolimorum patriarcha, solempniter iniunctus, consecratus et cum matre coronatus est».

³⁵ *Greilsammer*. 1995. Сap. VI.

³⁶ См., напр., хартию № 227 от 1144 г. *Balduinus rex Hierosolymitanus, consensus matris Melisendis (Regesta Regni Hierosolymitani*. 1893).

³⁷ *Guillaume de Tyr*. 1986: 717: «mulier prudentissima, plenam pene in omnibus secularibus negociis habens experientiam».

молодого короля против Мелизанды и ее советчиков: они всячески подначивали его, побуждая сына избавиться от материнской опеки, взять в свои руки правление государством его предков³⁸ и добиться самостоятельного правления. Стоит ли удивляться, что, по словам Гийома Тирского, интриги, которые плелись при дворе, впоследствии чуть не повлекли за собой гибель Иерусалимского королевства.

Долгое время ситуация, действительно, была стабильной, и Мелизанда после смерти мужа правила невзирая на права сына. Скоро появился и временщик – некий сеньор Манассия д'Йерж. Он был ее родственником (*consobrinus*), прибыл из Франции по призыву королевы еще во время правления Фулька в 1141 г., а в 1143 г., после кончины монарха, был назначен Мелизандой на высшую государственную должность коннетабля³⁹. Манассия женился на богатой вдове сеньора Балиана д'Ибелина и стал обладать имениями могущественного рода⁴⁰. Новоявленный парвеню пользовался покровительством королевы и потому чувствовал себя в полной безопасности. Он свысока смотрел на «главных лиц королевства» (*regni maiores*)⁴¹, не проявляя по отношению к ним должного уважения; вел себя крайне заносчиво и, что неудивительно, скоро заслужил всеобщую ненависть. В свою очередь представители знати даже не стремились скрывать свою антипатию к коннетаблю, так что королева едва удерживала кипевшие при дворе страсти. Во главе недовольных Манассией встал, как нетрудно догадаться, король Бодуэн, которого больше всех возмущало поведение фаворита матери. Наследник Иерусалимского королевства обвинял коннетабля в том, что тот лишил его благосклонности матушки-королевы и стеснял ее в проявлении щедрости (*munificentia*) по отношению к сыну. При дворе сложилась настоящая клика подстрекателей (*incentores*), которым не нравилось растущее влияние и могущество

³⁸ Ibid.: «ut a matris tutela se subtrahens regnum ipse moderaretur avitum».

³⁹ В Иерусалимском королевстве, как и в северной Франции, откуда были заимствованы многие институты государства крестоносцев, коннетабль был фактически главнокомандующим. В государстве крестоносцев он также возглавлял Высшую курию – главное представительное учреждение знати в королевстве. См.: *La Monte*. 1932: 252–260.

⁴⁰ Известно, что представители рода были недовольны этим браком, так как рассчитывали на земли, которые отныне перешли Манассии. Об этом см.: *Mayer*. 1972: 116.

⁴¹ *Guillaume de Tyr*. 1986: 777.

Манассии. И все, кого эта ситуация не устраивала, стремились подержать Бодуэна в его неприязни к коннетаблю.

Мелизанда же тем временем с помощью Манассии подчинила своей власти все сферы жизни в государстве: вершила административные дела, принимала все решения в сфере внутренней и внешней политики государства крестоносцев, развивала отношения в Церковью⁴² – в общем определяла судьбу государства крестоносцев... Но все же была одна сфера, в которой Бодуэн мог безусловно ее превзойти – война. Здесь у малолетнего короля были явные преимущества: ведь Мелизанда, будучи женщиной, не могла повести армию в бой, а он мог. Именно в сфере военной деятельности Бодуэн имел возможность утвердиться в своей самостоятельности. И случай для этого вскоре представился. В начале 1144 г. жители подвластного крестоносцам города Вади Муса в Трансиордании устроили мятеж против власти христиан и обратились за поддержкой к сельджукским военачальникам, которые пришли им на помощь и заняли замок. В то время, когда происходили эти события, Бодуэну было 14 лет⁴³. Он сразу же отреагировал на сообщение о мятеже – созвал своих рыцарей и отправился в Трансиорданию осаждать замок. Сельджуки крепко засели в цитадели; воины Бодуэна напрасно обстреливали ее пращами и стрелами, но все атаки были безуспешными. Тогда юный король прибег к хитрой тактике. Вокруг селения находились рощи оливковых деревьев, которые служили главным источником пропитания жителей. Бодуэн приказал сжечь эти деревья, и после этого осажденные утратили надежду победить в противостоянии с христианской армией. И вот уже король мог сам диктовать осажденным свои условия: он отпустил засевших в крепости воинов, помиловал жителей и установил охрану замка. Сделав дело (*consummato negotio*), Бодуэн благополучно вернулся в Иерусалим. 14-летний король действовал в Трансиордании умело и решительно и тем самым расположил к себе многих рыцарей. Может быть, именно поэтому впоследствии многие прикнули к нему, как только баланс сил изменился в его сторону.

Успех короля не остался незамеченным при дворе, и такая активность сына была не очень по душе Мелизанде. Неслучайно, когда в том же 1144 г. турки-сельджуки захватили Эдессу и жители

⁴² Более подробно об этом см. в статье Б. Маршалла: *Marshall*. 1969: 540ff.

⁴³ *Guillaume de Tyr*. 1986 : 721–722.

города попросили помощи у Иерусалима, Мелизанда отправила посольство, состоявшее из Филиппа, барона Наблуса, Элинанда Тивериадского и др., а возглавил это представительство не отличившийся в военном деле сын, а фаворит Манассия, исполнявший роль главнокомандующего иерусалимской армии⁴⁴.

Операция в Вади Муса не была единственной военной кампанией Бодуэна. Другие оказались менее блистательными и победоносными, но и там, несмотря на неблагоприятные ситуации, он действовал сообразно обстоятельствам и проявил себя с лучшей стороны. Так, в 1147–1148 гг. он отправился в Сирию завоевать Босру. Поход закончился неудачно – Дамаск пришел на помощь жителям города, и задуманный план захвата Босры не удалось осуществить. Но Бодуэн, несмотря на поражение, повел себя адекватно: проявил самообладание, не покинул остатки армии и сумел в трудных условиях вывести ее из мусульманского окружения и обеспечить возвращение домой⁴⁵. Вот другой пример: в 1148 г. вместе с прибывшими с Запада крестоносцами Бодуэн пытался завоевать Дамаск⁴⁶. И хотя и эта попытка оказалась безуспешной, но он на правах главнокомандующего возглавил войско Иерусалимского королевства и наравне с западноевропейскими монархами – Людовиком VII и Конрадом III – принимал участие в решении политических и военных дел. Такая деятельность, несомненно, способствовала росту его авторитета. И еще один пример: в 1149 г., когда в битве при Инабе погиб князь Антиохии Раймунд, Бодуэн по примеру своих предков отправился помогать вассальному княжеству⁴⁷, и благодаря этому поступку молодой король существенно выиграл в моральном отношении. В общем постепенно Бодуэн проявлял себя в разных сферах войны и политики.

Судя по документам королевской канцелярии, на рубеже 40–50-х гг. XII в. Мелизанда стала явно укреплять свое личное положение. Как известно, в это время в результате конфликта с Церковью долгое время находившийся на посту канцлер Рауль был отстранен от этой должности, и нового кандидата на должность дол-

⁴⁴ *Guillaume de Tyr*. 1986 : 720 : «una cum militari multitudine illuc sub omni celeritate dirigat».

⁴⁵ *Guillaume de Tyr*. 1986: 728–731.

⁴⁶ *Guillaume de Tyr*. 1986: 762–764.

⁴⁷ *Guillaume de Tyr*. 1986: 772–774.

гое время не могли найти⁴⁸. Однако несмотря на созданный вакуум королевской власти, хартии Мелизанды подписывал ее личный чиновник – некий клирик Гвидо, которого она, видимо, назначала по своей воле, не получив одобрения знати. Не будучи канцлером, он, видимо, фактически возглавлял скрипторий Мелизанды. Сам по себе тот факт, что королева создала собственный административный аппарат, свидетельствовал о ее желании быть совершенно независимой⁴⁹. Похоже, что она также обзавелась и собственными вассалами. Хартии Мелизанда уже в это время подписывала одна, игнорируя сына Бодуэна. Зато в этих грамотах как правило упоминалось согласие близких ей баронов, ее сторонников – среди них всегда фигурировали Филипп из Наблуса и Манассия Йерж, ее камергер Николай, а также представители Церкви⁵⁰. Примечательно, что она утверждала королевские пожалования и различные имущественные сделки «с одобрения моих баронов» (*laudamento baronum meorum*).

На то, что у Мелизанды была своя партия баронов и ее сторонников, принесших ей оммаж, и при этом не считавшихся с Бодуэном, указывает один любопытный эпизод, зафиксированный продолжателем исторического труда Гийома Тирского. Этот анонимный хронист сообщал, что 5 мая 1150 г. в плен был захвачен граф Эдессы Жоселен III. Как уже отмечалось, иерусалимские правители всегда считали своим долгом помогать вассальному княжеству. И вот Бодуэн решил отправиться туда и начал поспешно созывать воинов королевской армии – по законам Иерусалимского королевства в случае опасности государству рыцари должны были нести бессрочную вассальную службу своему сюзерену⁵¹. Но присягнувшие Мелизанде вассалы отказались выступать в военный поход, и Бодуэну пришлось еще раз посылать им на этот раз уже письменное приглашение⁵². Но те, похоже, так и не откликнулись на этот призыв, продемонстрировав, что они не признавали волю молодого короля...

⁴⁸ См.: Mayer. 1972:135.

⁴⁹ См.: хартию № 313 в кн.: («Regesta Regni Hierosolymitani. 1893»).

⁵⁰ См.: хартию. № 259 (Regesta Regni Hierosolymitani. 1893).

⁵¹ Об этом см.: Edbury, 2014: 141–150.

⁵² L'Estoire de Eracle Empereur: 783 («des barons de la terre sa mere ne pot il nul avoir, et si envoi ail ses letres a chascun qu'il venist apres lui»).

Таковы некоторые факты, которые нам удалось здесь собрать. Судя по всему, на рубеже 40–50-х гг. XII в. Мелизанда совершила много резких шагов, на которые, конечно,отреагировал ее сын.

Описывая этот период времени, относящийся к нач. 50-х гг. XII в., Гийом Тирский рассказывает в своей хронике о том, что именно тогда между матерью и сыном, отношения между которыми и без того были напряженными, возникла по-настоящему «опасная вражда» (*graves similtates*)⁵³. В самом деле, в Иерусалимском королевстве складывалась нестабильная ситуация: Бодуэн уже давно достиг совершеннолетнего возраста, но несмотря на это, в его положении при дворе мало что изменилось. Выступавшая за смену власти дворцовая группировка стала особенно настойчиво уговаривать короля отстранить мать от правления, увещевая его, что недостойно законному наследнику государства властвовать, завися от женского произвола. Придворные склоняли юношу к тому, чтобы он взял в своем королевстве хотя бы часть дел, связанных с управлением⁵⁴. Под влиянием желавших перемен представителей иерусалимской знати, но, видимо, больше в соответствии с давно обдуманым планом, король решил торжественно провести свою персональную коронацию в Иерусалиме во время Пасхи 1152 г. Короли государства крестоносцев вообще всегда должны были присутствовать в Иерусалиме в пасхальный праздник, где собирався весь народ, и Бодуэн решил воспользоваться этим случаем. Его планы явно не одобрял патриарх Иерусалима – это понятно, ведь Церковь всегда была на стороне королевы; против такого решения были и «благоразумные мужи» (*viri prudentes*) государства, к которым, несомненно, относился и Гийом Тирский. По словам хрониста, патриарх и высшие представители знати, которые «желали мира в королевстве» (*qui pacem regni diligebant*), увещевали его, дабы избежать жесткого конфликта с королевой, короноваться вместе с матушкой. Но Бодуэн отклонял их советы – он был полон решимости и стремился осуществить свои законные права. Он не желал, чтобы мать была его соправителем (*ne matrem haberet consortem*)⁵⁵. В результате длительных переговоров патриарха и молодого короля было принято компромиссное решение: ни Бодуэн, ни

⁵³ *Guillaume de Tyr*. 1986: 777.

⁵⁴ *Guillaume de Tyr*. 1986: 778: «indignum esse ut femineo regetur et regni propria curam alii quam sibi committeret moderandum».

⁵⁵ *Guillaume de Tyr*. 1986: 777.

королева-матушка не будут короноваться на Пасху в Иерусалиме. На краткое время в обществе воцарилось умиротворение. Но молодому королю, оказавшемуся хитрецом, удалось обойти все договоренности, при этом формально их не нарушив.

Вот что произошло потом. На следующий день после переговоров с патриархом (а это была Пасха), когда собралось все знатное общество, Бодуэн, не позвав мать, появился на публике – неожиданно для всех он предстал перед вельможами в короне⁵⁶. Это было эффектное зрелище, и оно не могло не произвести впечатление на знать. После этой показательной церемонии Бодуэн созвал совет государственных мужей (*proceres*), на который была приглашена и Мелизанда, где он весьма резко потребовал от матери разделить королевство и отдать полагающуюся ему часть – «дедушкину долю», как он выразился, явно намекая на договор о наследовании царства 1131 г.⁵⁷ Это был очень смелый ход юного короля. После длительных обсуждений ситуации и размышлений о судьбе государства и христиан на заседании Высшей курии в конце концов было принято решение осуществить раздел Иерусалимского королевства. Выбор был за королем: он взял себе два морских порта – Тир и Акру – со всеми тянущими к ним владениями, а королева оставила себе Наблус и Иерусалим с прилегающими селениями. Светская знать и Церковь сочли этот раздел необходимым для соблюдения мира и надеялись, что в результате подобной сделки обе враждующие стороны будут довольствоваться каждой своей долей, и в Иерусалимском королевстве воцарится мир.

Почти сразу после этого раздела царства Бодуэн осуществил ряд административных преобразований. Самое главное из них – назначение на пост нового коннетабля Онфруа де Торон, сторонника Бодуэна, владевшего, кстати, землями вокруг Тира. Такой поступок был прямым вызовом фавориту матери Манассии д'Йерж, которому предстояло сложить свои полномочия⁵⁸. Эта отставка

⁵⁶ «*sequenti die subito. Matre non vocata, in publicum processit laureatus*» (*Guillaume de Tyr. 778*).

⁵⁷ *Guillaume de Tyr. 778* : «*avite sibi postulat haereditas portionem assignari*»

⁵⁸ Позже Манассия Йерж был изгнан из Иерусалимского королевства и вернулся в Европу. Известно, что ок. 1176 г. он стал монахом обители св. Герарда в провинции Намюр. Как рассказывают средневековые источники, он вернулся на Запад с ценнейшей реликвией – Святым Крестом из Антиохии. В монастырских анналах был создан возвышенный образ Манассии – идеального рыцаря и крестоносца. См. об этом: *Mayer 1988: 766*.

была, конечно, серьезным ударом и для королевы-матери. В дальнейшем Бодуэн действовал все более и более жестко. Как пишет Гийом Тирский, тлеющий огонек вражды превратился в «большой пожар» (*incendium maius*)⁵⁹, и Бодуэн начал ковать планы с целью изгнать мать даже из ее собственных владений. Королева каким-то образом заранее узнала о замыслах сына и поручив своим верным (*fideles*) город Наблус, поспешила отправиться в Иерусалим, где она надеялась обрести для себя более надежную защиту. Между тем Бодуэн созвал своих рыцарей и осадил Манассию в его замке Мирабель, заставив бывшего коннетабля сдаться и отказаться от своих владений. Завладев Наблусом, Бодуэн со своим войском отправился в Иерусалим с тем, чтобы теперь расправиться и с матерью. В этот момент позиции Мелизанды все больше и больше ослабевали: ее подданные, чьи владения находились в принадлежащей ей части королевского домена, начали покидать королеву. По существу, с ней оставались лишь ее сын Амори, преданный ей вассал Филипп из Наблуса и ряд клириков. При приближении Бодуэна Мелизанда заперлась со своими «верными» в башне Давида, полагаясь на защиту крепостных стен. Патриарх, понимая, что надвигаются «опасные времена» (*tempora periculosa*), решил выступить в роли посредника и миротворца. Взяв с собой нескольких прелатов, он смело вышел навстречу королю и призвал его отказаться от дурных планов (*parvo destulit proposito*), оставить мать в покое и вернуться к прежнему совместному правлению. Но Бодуэн, по-прежнему полный решимости и убежденный в правоте своего дела, не отступал. Он разбил военный лагерь прямо под стенами Иерусалима, так что напуганные жители были вынуждены открыть ему ворота. Войдя в город, король осадил башню Давида и начал опасные военные действия. В сторону цитадели, где пряталась Мелизанда со своими приближенными, полетели пращи и стрелы, в ход пошли камнеметные машины. Несчастные, осажденные в течение нескольких дней, подвергались настоящим вражеским атакам и отбивались как могли. Но ни одна из сторон не уступала другой. Наконец с помощью посредников, имена которых Гийом Тирский предпочел скрыть в своей хронике, все же удалось достичь перемирия. Условия его были таковы: Иерусалим переходил сыну, королева-мать довольствовалась Наблусом, а Бодуэн торжественно по-

⁵⁹ *Guillaume de Tyr*. 1986: 779.

клялся больше не беспокоить мать в ее владениях. Так, наконец, установился мир в Иерусалимском королевстве.

Все описанные драматичные события, которые мы бы с полным правом назвали гражданской войной, произошли за весьма короткий срок – с 30 марта по 29 апреля 1152 г. В результате всех перипетий власть от матери перешла к сыну. Мелизанда долгое время держала государство крестоносцев в своих руках, обходя других домочадцев, но была вынуждена передать бразды правления своему первенцу. Отныне королева стала номинальной фигурой: она не располагала никакими административными ресурсами, и даже ее город Наблус не имел укрепленных стен, так что в случае военной опасности ей пришлось бы обращаться к сыну.

После столь ожесточенного конфликта, историю которого мы пытались проследить на этих страницах, мы могли бы ожидать, что мать и сын будут ненавидеть друг друга. Ничуть не бывало! – в королевской семье во всех ситуациях всегда соблюдались внешние формальные приличия. Мелизанда согласилась с тем, что отныне она ничего не будет предпринимать без согласия сына. Свою покорность королева старательно подчеркивала и в хартиях, где, подтверждая свои пожалования Церкви, всегда упоминала о разрешении сына⁶⁰ и даже называла его «возлюбленным сыном» (*dilectus filius*). В свою очередь и сын стремился не обижать мать и особо отмечал в хартиях, что мать разделяет с ним власть и что он с ней во всем советуется: в грамотах подчеркивается, что он все делал «с одобрения и согласия» (*assensu et concessione*), «по совету и с дозволения» (*consilio et consensu*) и даже «по просьбам матери» (*precibus matris*)⁶¹. Примеров таких взаимных изъявлений вежливости и учтивости в документах немало.

Однако можно заметить, что приблизительно с 1160 г. королевская канцелярия больше не упоминает о Мелизанде. В это время, как говорит Гийом Тирский, королева заболела неизлечимой болезнью⁶². Она уже более не вставала с постели, тело ее разрушалось (*corpore quasi consumpto*), память слабела (*lesa memoria*), и она все больше теряла силы. За ней ухаживали две ее сестры – графиня

⁶⁰ См., напр., хартию № 313: «Milisendis, regina Hierosolymitana, consensus Balduini regis filii». См. также № 338, 339 и др. (Regesta Regni Hierosolymitani. 1893).

⁶¹ См. хартии № 307, 293, 336. (Ibid.).

⁶² *Guillaume de Tyr*. 1986: 850: «in egritudinem incidit incurabilem».

Триполитанская Одиерна и Иветта – аббатисса монастыря св. Лазаря в Вифании. Жизненный путь королевы Мелизанды, которая тридцать с лишним лет (*annis triginta et amplius*) вершила дела государства крестоносцев, приближался к концу, и 11 сентября 1161 г. ее не стало. Узнав о смерти матери, Бодуэн (теперь уже иерусалимский король Бодуэн III), по словам Гийома Тирского, продемонстрировал искреннюю любовь к матери – он разразился стенаниями и в течение нескольких дней не желал успокоиться⁶³. Таким образом, Бодуэн III в очередной раз пожелал соблудности внешние приличия и публично выразил свою скорбь в связи со смертью матери. Но на самом деле еще за полтора месяца до ее кончины, нарушив заключенный в 1152 г. договор и вопреки своим клятвенным заверениям, король сделал попытку вторгнуться в ее владения в Наблусе. Об этом, кстати, свидетельствует одна хартия из королевской канцелярии⁶⁴. В конце лета 1161 г. Бодуэн III вошел в Наблус и захватил все принадлежавшие барону Филиппу – давнему стороннику Мелизанды – владения, правда, пообещав ему новый фьеф в Трансиордании и Хевроне. Присоединив удел Филиппа, Бодуэн III превратился в самого крупного собственника в Наблусе и с этих позиций мог в любой момент угрожать матери. Видимо, зная о ее близкой смерти, он вообще присоединил ее владения к королевскому домену, объединив под своей властью все земли королевства. Уже после кончины Мелизанды Бодуэн III стал единодержавным правителем государства крестоносцев. В истории рассмотренного здесь периода борьбы за власть в Иерусалимском королевстве можно было поставить точку...

Итак, внезапная смерть иерусалимского короля Фулька Анжуйского (1131–1143) осенью 1143 г., как мы видели, повлекла за собой цепь непредвиденных событий. Сначала она вызвала бурный всплеск эмоций со стороны его супруги Мелизанды и его близких и была с горестью воспринята подданными короля. В долговременной же перспективе безвременная кончина монарха привела государство крестоносцев к глубокому политическому кризису. Мы стремились показать, какие последствия для общества и в целом

⁶³ *Guillaume de Tyr*. 1986: 858: «in lamenta se dedit et per dies multos nullam prorsus recepit consolationem».

⁶⁴ *Regesta Regni Hierosolymitani*. 1893. Хартия № 366.

государства крестоносцев могла иметь внезапная смерть государя – с этой целью и была предпринята попытка вписать этот эпизод в более широкий контекст истории Иерусалимского королевства. В результате открылся пласт реконструируемых здесь событий, состоявших из этапов захватывающей борьбы за власть, которая происходила в государстве на протяжении нескольких поколений.

История этой войны за престол говорит нам о том, что государство крестоносцев рассматривалось протагонистами событий в первую очередь как частная собственность королевской семьи, а власть не воспринималась ими как некий политический институт, осуществляющий управление обществом и обеспечивающий в нем порядок – она как наследственное владение просто переходила из рук в руки, от одной личности к другой. Членами королевского клана владела жажда власти, они были готовы воспользоваться всеми возможными средствами для достижения своих целей, и хотя представители элиты, с одной стороны, думали об обороне границ находящегося в мусульманском окружении государства, но – с другой – в борьбе за власть были готовы использовать и врагов.

Подводя итоги данного исследования, можно сказать, что гибель Фулька Анжуйского ослабила Иерусалимское королевство, которому предстояло пережить все перипетии сложной политической борьбы. Но кажется, никто из современников этих событий позже уже не вспоминал короля – похоже, Фульк был в Иерусалимском королевстве чужаком, прибывшим из далекой провинции Франции и не знавшим местных обычаев и традиций, да и процарствовал он в государстве крестоносцев недолго. О кратком периоде его правления рассказал лишь Гийом Тирский на страницах своей хроники, и только начиная с конца XIII в. внезапная смерть Фулька Анжуйского снова стала предметом рефлексии – на этот раз средневековых миниатюристов.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- Bibliothèque Nationale de France. Ms.fr. 2628.
Российская Национальная Библиотека. Vol. IV. 5.
L'Estoire de Eracle Empereur et la conquete de la terre d'Outremer // Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Occidentaux. P., 1844.
Greilsammer M. Livre au roi. Introduction, notes et édition critique. P., 1995.

- Guillelmi Archiepiscopi Tyrensis Chronicon* / Ed. by R.B.C. Huygens. Turnhout, 1986.
- John of Ibelin. *Le livre des Assises* / Ed. P.W. Edbury. Leiden; Boston, 2003. P. 230
- Regesta Regni Hierosolymitani* / Hrsgb. R. Röhrich. Cēniponti, 1893

ЛИТЕРАТУРА

- Boquet D. & Nagy P.* Medieval sensibilities: a history of emotions. Cambridge, 2018.
- Borst A.* Zusammenfassung // *Tod im Mittelalter* / Hg. A. Borst, G. von Graevenitz, A. Patschovsky Konstanz, 1993. S.391-404.
- Edbury P.W.* Fiefs, vassaux et service militaire dans le royaume latin de Jérusalem // *Idem* *Law and History in the Latin East*. Aldershot, 2014. P. 141–150.
- Folda J.* Images of Queen Melisende in Manuscripts of William of Tyre // *Gesta*. 19913. Vol. 32. № 2. P. 97–112.
- La Monte J.* *The Feudal Monarchy in the Latin kingdom of Jerusalem*. Cambridge; Mass., 1932.
- Marshall B.* The Latin States under Baldwin III and Amalric I, 1143–1174 // *A History of the Crusades* / Ed. K. Setton. L., 1969. Vol.1. P. 528–562.
- Mayer H.E.* *Studies in the History of Queen Melisende of Jerusalem* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1972. Vol. 26. P. 93–182.
- Mayer H. E.* Manasses of Hierges in the East and the West // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1988. T. 66. N 4. P. 757–766.
- Mayer H.E.* *Die Kanzlei der lateinischen Könige von Jerusalem*. Hannover, 1996. Bd. 1–2.
- Riley-Smith J.* Further Thoughts on Baldwin II's établissement on the confiscation of fiefs // *Crusade and Settlement*. Papers read at the First conference of the Society for the Study of the Crusades and the Latin East and presented to R.C. Smail / Ed. P.W. Edbury. Cardiff, 1985. P. 177–178.
- Rosenwein B.* *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. NY, 2006.
- Rousset P.* *Recherches sur l'émotivité l'époque romane* // *Cahiers de civilisations médiévales*. 1959. T. 2. № 1. P. 53–69.
- Schmitt J.-C.* *La raison des gestes dans l'Occident médiéval*. P. 1990.

Илл. 1. Внезапная смерть Фулька Анжуйского. BNF. Histoire d'Outremer. Ms.fr. 9082, f. 171r

Илл. 2. Похороны короля Фулька. Коронация Бодуэна III.
 BNF. Histoire d'Outremer. Ms.fr. 9084, f. 197r

Илл. 3. Покушение на Гуго де Пюизе. Histoire d'Outremer.
 Ms.fr. 9081, f. 160r